

АНДРЕЙ НОВИКОВ-ЛАНСКОЙ

КТО ПРОТИВ НАС

Андрей Новиков-Ланской

Кто против нас. Повесть-притча

«Издательские решения»

Новиков-Ланской А.

Кто против нас. Повесть-притча / А. Новиков-Ланской —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745600-9

В основе повести-притчи известного московского писателя
и художника Андрея Новикова-Ланского — духовное становление
человека, переживающего мистический опыт Сталинградской битвы.

ISBN 978-5-44-745600-9

© Новиков-Ланской А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог первый	6
Пролог второй	7
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	14
Глава четвёртая	17
Глава пятая	19
Глава шестая	21
Глава седьмая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кто против нас Повесть-притча

Андрей Новиков-Ланской

Если Бог за нас, кто против нас?

Послание к Римлянам, 8:31

© Андрей Новиков-Ланской, 2018

ISBN 978-5-4474-5600-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог первый

Глубоко под городом, в душных царицынских катакомбах, умирал раненый советский солдат.

Он был в беспмятстве и бормотал что-то неразборчивое.

Пожилая женщина в чёрных одеждах склонилась над солдатом, посмотрела в его мутные глаза и вздохнула:

«Не жилец ты, сынок... Столько крови потерял... И зачем я волокла тебя сюда?»

Она попыталась перевязать кровоточащую рану, и солдат захрипел, застонал, его бред стал чуть более внятнм, и женщина разобрала слово «Мария».

А он стал задыхаться, хватать ртом сырой воздух подземелья.

Ему сделалось совсем худо, он покрылся испариной, закашлялся, и изо рта его пошла кровь.

Женщина приподняла ему голову, расстегнула ворот гимнастёрки, заметила, что нет нательного креста, и нахмурилась:

«Да крестила ли мать тебя? Не иначе, ты – коммунист... Всё равно, я тебе некрещёному не дам погибнуть. Вот только имени твоего я не знаю... Но раз Марию вспоминаешь, пусть будет тебе имя Иосиф, как у родителей Господних».

Она взяла церковную чашу, обычный медный потир, и что-то налила туда.

А потом окрестила умирающего солдата – так, как это положено делать, когда нет священника и нет времени ждать.

Пролог второй

Мингиян не был здесь с весны, и вот шесть лун спустя он снова в родной степи, снова видит знакомые холмы и курганы.

Как же хорошо было здесь, когда он только собирался в путь!

Степь пылала тюльпанами и маками, отражаясь на священной горе Богдо.

Теперь кругом лишь выцветшая трава да сухие маковые коробочки.

Уцелела ли брошенная им юрта?

Наверняка на месте, ветру её не сдуть, а чужих здесь нет, унести некому.

Мать говорила, что далеко за большой водой живёт другое племя, но он там никогда не был и никого не видел.

Конь недовольно зачихал, зафыркал, демонстративно завертел мордой, и кочевник насторожился, принялся.

Действительно, что-то не так, другой воздух.

Ветер принёс остро солёный, копчёный запах.

Мингияну слышались едва уловимые странные звуки.

Он спрыгнул с коня, прижал ухо к земле, услышал глубокое гудение.

Всё это ему не понравилось, что-то случилось, пока его не было.

Он снова оседлал коня и поскакал дальше.

Вдруг конь дёрнулся в сторону, чуть не сбросив всадника. Мингиян мгновенно огляделся по сторонам, понял, что увидел коня – и сам оторопел, пригнулся, обхватил его шею.

Прямо на них из-за холма двигались существа страшные, прежде им невиданные. Чудовища, похожие на животных, но не животные.

Таких в природе не бывает, Мингиян – охотник, и точно это знает.

И всё же медленно, но неуклонно они двигались навстречу, не обращая внимания ни на кочевника, ни на его коня.

Преодолев оцепенение, Мингиян осторожно отъехал в сторону и внимательно всмотрелся в существ, чтобы запомнить их.

Это были огромные ходячие камни, с брёвнами вместо ног, с крыльями на голове, с двумя рогами и двумя хвостами, спереди и сзади.

За ними двигались нелепые лошади: одни с оттянутыми головами и покрытые пятнами, другие – с обычными головами, но со шкурами, изрезанными в мелкие ленты.

И такие же, с искромсанной полосами кожей, гигантские кошки – а некоторые с цельной кожей, но как будто с сухой травой, обмотанной вокруг головы.

Шествие замыкал переваливавшийся с боку на бок неохватный меховой мешок.

Когда чудовища скрылись из виду, Мингиян перевёл дыхание, спрыгнул с коня, лёг в траву, стал смотреть на небо.

И увидел, как на горизонте появилась шумная птица: она стремительно летела на него, оставляя ровный след чёрного дыма.

Птица была подстрелена неведомым охотником, и жизненной силы в ней почти не осталось.

Она боролась с воздухом, барахталась в небе, крутилась всем телом, не двигая распластанными крыльями.

И вскоре с грохотом рухнула в степь.

Мингиян вскочил с земли, оторопь сменилась ужасом, кровь горячо застучала в животе.

Он понял, что случилось что-то непоправимое, что-то в его земле смертельно нарушилось.

Незнакомые солёные запахи, глухой шум степи, неведомые чудища, падение гулкой дымящейся птицы – всё это мучило душу тяжёлым предчувствием.

Мингиян разогнал коня и вскоре увидел юрту, изрядно потрёпанную с весны.

Порыв ветра всколыхнул кусок войлока, слабо державшийся на погнувшемся каркасе, и едва заметная тень мелькнула в щелях юрты – там кто-то был.

Мингиян тихо спрыгнул с коня, подкрался к жилищу и, преодолевая страх, заставил себя заглянуть внутрь.

Там не было ничего страшного, он увидел лишь маленького старика в чужой одежде.

На его сером лице было прозрачное и блестящее украшение.

Он сидел у холодного очага и рисовал чёрной палочкой на чём-то тонком и белом, и понять этот мелкий рисунок было невозможно.

Чужестранец вздрогнул, увидев Мингияна, потом пристально посмотрел на вошедшего и глубоко вздохнул.

Мингиян же не понимал, почему старик глядит на него так долго, но чувствовал в его взгляде ту же тревожную растерянность, что была теперь в нём самом.

*

Когда профессор Зигмунд Генрихович Гедройц понял, что молодой калмык напуган не меньше него и вроде бы не опасен, он снял пенсне, устало потёр переносицу, потом взял карандаш и принялся дописывать письмо – в Москву, в Академию наук.

В этом письме он, смотритель Сталинградского зоопарка, сообщал, что после двухнедельных поисков ему удалось обнаружить часть редких животных, сбежавших из разгромленного фашистами города.

Что животные переплыли Волгу и теперь медленно, но неуклонно движутся через калмыцкую степь к территории Казахстана.

И что хотя он будет продолжать следовать за ними, сохранить их для науки не представляется возможным, потому что скоро зима, а климат здесь резко континентальный.

В конце письма профессор Гедройц добавил, что всё это по сути неважно, поскольку вражеские войска вот-вот форсируют Волгу, и в степи вообще не останется ничего живого.

Однако, перечитав, он решил, что последняя фраза не относится к делу, и зачеркнул ее.

Глава первая

Нет в царстве перемен.

Застыла жизнь в несчастном постоянстве разрушения.

Зов к покаянию звучит, но он неслышен, ибо замкнут слух народа.

Заветы, наставления – всё забыто, в беспамятстве погибло.

Живые возомнили, что их знание превыше мудрости их предков.

Но те, чьими сердцами кормится земля, терпят и ждут, на провидение возлагая свою волю.

«Свитки»

Журналист Андрей Гедройц, милый и застенчивый человек, не был широко известен в Москве.

Он писал газетные очерки, фельетоны и рецензии, получая небольшие, но постоянные гонорары.

Гедройц вёл размеренную неторопливую жизнь, далёкую от неурядиц быта и успокоенную миром слов.

Но вот в последнее лето двадцатого века взяла его тоска: то ли подействовала особая атмосфера переломного года, то ли прежде времени наступил кризис среднего возраста, но Гедройц отяготился своим существованием.

Его повседневная жизнь была однообразна и по сути бессмысленна, она текла от завтрака к ужину, ото сна ко сну – без цели, развития и результата.

Он стал всё больше задумываться о том, что хорошо бы что-то изменить, уйти от привычного уклада жизни.

Ему захотелось совершить что-нибудь яркое – но что он мог сделать?

И коль скоро главным его умением была способность выражать мысли на бумаге, он решил, что настало время написать что-нибудь серьёзное – не фельетон, а роман – ну, или хотя бы повесть.

Тема, конечно, должна быть значительной и волнующей – эпической, героической.

«Наш народ влюблён в историю и обязательно будет читать героическую книгу», – думал Гедройц.

Решение пришло быстро: ничего более героического в родной истории, чем Сталинградская битва, он придумать не мог.

К тому же было личное отношение к этому сражению: его родной прадед, крупный ученый-биолог, работал в Сталинграде во время войны и пропал там без вести.

Андрей понял, что о Сталинградской битве и нужно писать книгу, что это его долг перед прадедом, перед семьёй – и стал собирать материал, засел за изучение военных книг, документальных и художественных.

А чем больше находил сведений, деталей, гипотез, тем меньше понимал, что же в действительности происходило тогда в Сталинграде.

Он не мог найти ответа на самый, казалось бы, очевидный вопрос: в чём была причина и смысл этой битвы?

Зачем Гитлер отвёл войска от Москвы и направил их к Каспийскому морю? – лучшие войска, бравшие до этого Париж и Варшаву.

Объяснения историков были на первый взгляд логичны, всё чётко укладывалось в стратегический план немцев, в их стремление выйти к кавказской нефти, контролировать южную часть Волги – и попутно покорить символический город имени Сталина.

Но что-то мешало Гедройцу полностью согласиться с таким толкованием: конечно, определенный смысл в нем был, но он плохо увязывался с ожесточенностью самого кровопролитного сражения в истории.

И Гитлер, и Сталин явно осознавали битву как предельную кульминацию войны – при очевидно недостаточном военно-тактическом обосновании.

Советское командование бросило все силы на осуществление оборонительной операции, русские войска самоотверженно, как что-то самое дорогое, защищали Сталинград.

Нет, что-то скрывается за всем этим, что-то сверхважное тянуло туда Гитлера, говорившего, что Москва – голова, а Сталинград – сердце России.

Немцы строили множество оборонительных сооружений, очевидно готовясь всеми силами удерживать захваченный город, а не идти дальше к нефти.

Исследуя обстоятельства битвы, Гедройц узнавал таинственные детали, которые почему-то замалчивались.

Почему немецким войскам был отдан приказ ни в коем случае не бомбить Мамаев курган, а только сбрасывать противопехотные дротики?

Почему вместе с войсками к кургану двигались мощнейшие экскаваторы, группы археологов, охраняемые элитными спецчастями СС?

Гедройц знал, что и Гитлер, и Сталин были настроены весьма мистически, а Мамаев курган, этот участок кровопролитнейших сражений, – место священное, очень древнее, там тюркские и арийские жреческие захоронения.

Гедройц раскопал удивительный факт: курган представляет собой правильную пирамиду высотой более ста метров.

Он невольно вспомнил, что древнее название Волги – река Ра, а ведь это имя египетского божества.

Потом Гедройц узнал, что неподалёку небезызвестный Батый выстроил столицу своего государства: этот обуреваемый мессианским чувством хан не решился пересечь Волгу и обосновался напротив кургана, на другом берегу.

По некоторым сведениям, здесь была столица и другого вождя, знаменитого Аттилы, сокрушавшего Рим.

Сюда через Каспий привозили для погребения персидских царей, рядом находится великая буддийская святыня – кровавая гора Богдо.

Неподалеку, в междуречье Волги и Дона, найден древнейший Храм огня, до сих пор создающий мощное геомагнитное поле.

В то же время теперь хорошо известно, насколько Гитлер был охоч до древних магических знаний и практик.

Про оккультный характер Третьего Рейха мы знаем немало: тайные общества, ордена, Туле, Аненербе, поиск арийского наследия, изучение ведического знания, тайные экспедиции в Тибет и Египет.

У историков по сей день нет единого мнения о прародине ариев, но одна из устойчивых гипотез – север Каспия, южно-русские степи, Сталинград.

Гедройц вспомнил, что название гитлеровской операции – FallBlau – переводится как «голубой поток», а в ведических жреческих текстах так называется священная река предков, купание в которой – главное таинство обретения связи и силы.

Так, может быть, там речь идет о Волге? – и ритуальное купание индусов в Ганге есть ни что иное как воспоминание о великой реке арийских предков?

Вполне вероятно, что Гитлер мыслил Сталинград как арийскую прародину, место мистического обретения силы предков и построения нового арийского мирового царства.

Не исключено, что фюрер надеялся отыскать что-то древнее и священное в катакомбах Царицына-Сталинграда.

Но ведь и Сталин, судя по всему, был посвящён в тайны этой земли и не мог позволить себе отдать это что-то.

Поэтому приказ «Ни шагу назад!» появился в Сталинграде, хотя строгой военно-тактической необходимости, на первый взгляд, не было.

Некоторые факты потрясли воображение Гедройца.

Например, он узнал, что в самые тяжкие дни обороны Сталинграда несколько почитаемых православных старцев привезли в город чудотворную икону Казанской Божьей матери, молились о спасении – и через три дня ударили жесточайшие морозы, резко изменившие военную ситуацию в пользу советских войск.

Гедройц узнал про другой образ Богоматери – так называемую Сталинградскую Мадонну – чудотворный угольный рисунок, сделанный немецким военным врачом на советской географической карте в окружении под Сталинградом.

Были любопытные сообщения о том, как животные из разгромленного сталинградского зоопарка – жирафы и тигры, медведи и косули – все вместе, дружно и невредимо ушли из полыхающего города, переплыли Волгу и ушли на восток.

Попадались совсем фантастические документы: например, рапорты немецких офицеров о наблюдаемых летательных дисках, низко зависающих над Мамаевым курганом в часы тяжелейших схваток.

Новые сведения накладывались на то, что Гедройц подспудно помнил ещё со школьных времён: он вдруг осознал, что речь идёт о том самом сражении, которое решило исход мировой войны и, следовательно, определило судьбу всего человечества.

Глава вторая

*Будет казаться, что совсем нет сил терпеть творимое.
Праведные ищут живой источник благодатный силы.
Надежда теплится, но обещает мало.
Однажды словно вспыхнет огненная искра.
Многие почувствуют рост – ведь что-то сдвинулось с долгого постоя.
Это изменение заметно лишь самым чутким очам.*

«Свитки»

Гедройц решил съездить в Волгоград, дабы на месте собрать побольше материала для дальнейшей работы.

И вот как-то летним вечером он сел в поезд, чтобы на следующий день быть на месте.

Он был исполнен лёгким волнением, сложным чувством предвкушения чего-то значительного и смутной тревоги.

По мере движения поезда на юг леса за окном сменялись степями, а Гедройцу снился необычный сон, цветной и яркий.

Во сне он находился в уютном доме на берегу океана, был тихий вечер, он вышел, чтоб насладиться прибрежной ночью.

Небо темнело, и взору открывался пейзаж морского побережья: поверхность вод играла зарёй, и ему показалось, что это сама вода светилась мутной краснотой изнутри.

Чей-то мягкий голос звал взглянуть вверх: у горизонта небо сияло зеленоватым холодным светом, но чем выше Гедройц поднимал глаза, тем темнее оно становилось.

Вверху же, над самой головой, оно было иссиня-чёрным – там мириады серебристых линий соединяли звёзды в созвездия.

Гедройц удивился: здесь всё так ясно, созвездья столь чётки и различимы, он узнал этот рисунок.

К другому краю бездны он обернулся: там нависали шары планет, своими размерами превосходившие августовскую Луну.

Он сразу увидел Юпитер, багровый Марс, кольцо Сатурна, дым Фазтона и дым Венеры, и ещё одну синюю планету.

Знакомый голос продолжал:

«Сейчас начнётся движение воды на этот берег, на этот город, волны накроют твой домик, он уйдёт под воду. Но ты не бойся, дом твой крепок и надёжен. Иди к себе, закрой все двери и дождись конца прилива».

Океан и вправду начал свой гремющий шторм, и вскоре всё небо пропало под обесцвеченной водою.

Не отрывая от окон взгляда, Гедройц погружался во тьму, желая дождаться окончания морских движений – и был разбужен резким гудком встречного поезда.

Спустя несколько часов он стоял на волгоградском перроне: город встретил его мощной грозой и душистым воздухом, хотя обычно здесь летом жарко и сухо, а Волга спокойна.

Гедройцу вспомнилось, что рассказывали ему знакомые, побывавшие в Волгограде.

Они говорили, что городские жители весь день пьют пиво, а по вечерам едят жареную в масле отборную коноплю, политую фруктовым сиропом, уверяя, что это и есть настоящий рецепт халвы, столь любимой на Ближнем Востоке.

Устроившись в гостинице, Гедройц отправился на ближайший базар, ему давно хотелось попробовать настоящей, только что засоленной чёрной икры. Там он разговорился

с торговцем рыбой, расспросил его о жизни, а потом сказал, что приехал разузнать про Сталинградскую битву, и вызвал неожиданное доверие к себе этим признанием.

Торговец стал более откровенен: оказалось, товар ему поставляют браконьеры, которые, кстати, помимо рыбы, занимаются раскопками, ищут на полях сражений кресты и оружие, от ножей до танков, реставрируют и продают коллекционерам.

Он предложил познакомить Гедройца с ними, и Андрей воспринял это как большую честь.

Глава третья

Правитель земли горькой водой будет заливать подымающееся пламя – в нём помеха и ущерб времени.

Новая сила будет укрепляться и становиться обозримой извне.

Счастье тем, кто внимает ей и преобразяется.

Да пребудет с черпающими её чистота и трезвость, дабы удержали обрётённое!

Пусть они услышат святого, он произносит правдивую речь.

«Свитки»

В представлении Гедройца браконьеры были далеко не самой безопасной частью преступного мира, однако те рыбаки, к которым его привели, оказались вполне доброжелательными, выпили с ним самогону и рассказали о себе.

Живут они у самой Волги на отчуждённой и огороженной территории в купленных по случаю плацкартных вагонах.

У них есть собственные квартиры в городе, но здесь, на берегу – их территория, их владения, их поместье.

Андрей разглядел стены вагона: картинки из мужских журналов развешены в одном углу вагона, портреты русских монархов – в другом.

Попасть случайному человеку сюда трудно, подходы обтянуты колючей проволокой, кругом собаки, и милиция близко к ним не подходит.

Когда бандиты из южных краёв решили подчинить себе эту территорию, волжские браконьеры спокойно вышли на встречу с их главарём, обвешанным золотом.

Требование платить ему дань показалось им оскорбительным, и они заживо залили бандита бетоном в старой цистерне, которую скатили потом в реку.

Гедройц разговорился с двумя браконьерами: один – довольно молодой парень Иван, потомственный рыбак, сколько себя помнит, ходил с отцом в Волгу на осетра и стерлядь.

Он жалуется на калмыцких конкурентов: те ставят сети поперёк реки, перекрывают всё течение, но берут лишь ту рыбу, что могут вытащить, остальной же улов остаётся гнить в сетях.

И бороться с ними бесполезно – их же так много, и все они против нас.

Гедройца он просил прислать из Москвы литературу с описанием древнерусского боевого искусства: хочет в совершенстве его освоить.

Ведь слишком много развелось в городе инородцев с их верой, всё исконно русское истребляют, и их надо изгонять.

Ведь и они против нас.

Его подельник Миша с ним всего пару лет – он старше, но в рыбацком деле – ученик, посему ведёт себя скромно.

Миша воевал в Чечне, а теперь вытаскивает замечательное холодное оружие и продаёт довольно дёшево – в Москве, конечно, за такие деньги ничего дельного не купишь.

Особенно он годится своими кинжалами, они входят в человека как в масло, сильным ударом пробивают и бронежилет.

Мастерить ножи Миша научился в чеченском плену, где и подглядел секреты этого горного ремесла: в плену его пытали, он потерял глаз, но другим видит совсем неплохо.

Гедройц слушал рассказы браконьеров и не мог понять, как эти радушные люди так спокойно, даже не без удовольствия, рассказывают о таких жестокостях – откуда такая тяга к насилию, необъяснимая и нарочитая, хотя бы и на словах?

Он спросил, правда ли, что можно откопать что-нибудь интересное в местах боевых действий?

Миша улыбнулся и положил на стол большой блестящий кинжал, и Гедройц сразу почувствовал силу, исходящую от этого оружия.

«Я его недавно на кургане откопал, у самой вершины, – объяснил Миша, – Это немецкий штык-нож. Он весь был в окаменевшей крови. Я его отмыл кислотой, лезвие заточил. Да ты не бойся, я его нашему старцу Иосифу показывал. Он сказал, что простому человеку от ножа не будет вреда, дух в нём уже вроде как не военный».

Гедройца потрясло качество изделия: проведя полвека в земле, лакированная деревянная рукоятка выглядела совсем новой.

Миша заметил восхищённый взгляд Гедройца и вдруг сказал:

«А ты, Андрюха, забирай его себе. У меня ещё есть».

Гедройц никак не ожидал такой щедрости, подумав, что, должно быть, это шутка.

«Бери, бери, в своей Москве не найдёшь такого», – Иван протянул нож Гедройцу.

Тот поблагодарил и сразу убрал подарок в портфель.

Оставив гостя одного в вагоне, браконьеры поплыли на лодке за рыбой, а Гедройц сразу достал нож и стал его разглядывать.

Он никогда прежде не держал в руках орудие убийства – возможно, не одного, а многих убийств.

Он изучил лезвие, пощупал острие, стал играть с ножом, имитировать удары, закалывать невидимых врагов.

Воображение Гедройца разыгралось, он представил себе немца, который этим самым ножом резал русских солдат.

А потом представил, как этот немец получает смертельное ранение, падает, подкошенный русской пулей, и последнее, что видит – вот этот клинок, и, умирая, прощается с ним...

Вскоре ребята прибыли с ещё живой стерлядью и тут же зажарили её – свежий шашлык из осетрины был необыкновенно хорош!

И как красиво было темнеющее небо, первые звёзды, Млечный путь, обрыв над беспокойной Волгой и отблеск далёкой грозы!

Они выпили самогону, настоящего на дубовой коре, закусили шашлыком – а потом ели арбуз.

Гроза приближалась, и Гедройц поспешил закончить трапезу, дабы не оставаться в вагончике на ночь.

Провожая, браконьеры сказали ему:

«Ты только смотри, ночью на курган не ходи один. Люди там иногда просто пропадают».

Гедройц же был навеселе, и принял предостережение за шутку.

Вернувшись в гостиницу, он прилёг отдохнуть, его склонило ко сну: свежий речной воздух и местный самогон здорово расслабили его.

Около полуночи Гедройца разбудил телефонный звонок с вопросом, не скучно ли ему спать в одиночестве, – сонный Андрей не понял, повесил трубку.

А приснился ему старый сад, где каждое дерево обильно плодоносило: яблок невиданное число тяжелило каждую ветвь, а ветви все были в цвету.

Он слышал запах жасмина и розы, на лозах видел спелый виноград, в прудах плавал лотос, вокруг сада зрели хлеба.

Он услышал женский голос:

«Я знаю, где это место! Я тебе покажу его, Андрей. Ты должен взять лодку. Этот сад там, за рекой».

Они плыли к берегу, когда встало солнце – огромное, красное, оно во все стороны разрасталось.

И вдруг разорвалось, и на всё небо явилась седая голова, и он услышал слова: «Ну, вот и ты, Андрей!» – и проснулся.

Глава четвёртая

Славное правление будет твориться, мудрое.

Следующие за правителем знают успех, а следуют за ним все!

Новые цели и удержание наследованного знания – вот что приведёт к преуспеянию.

«Свитки»

На следующий день Гедройц пошёл в Военный музей с надеждой проникнуть в закрытые архивы и фонды.

Залы музея были пусты, и первым же встреченным человеком оказался директор-хранитель.

Ему было явно за семьдесят, но он был ещё крепок; особенная подтянутость, ровность походки и рапортующая манера речи выдавали в нём бывшего офицера.

Звали его Владимиром Ильичем, да и внешне он чем-то напоминал гения русской революции: большой лысый череп, остатки рыжеватой растительности и взгляд цепкий, лукавый и беспокойный.

Он напряжённо всматривался в Гедройца, а тот стремился угадать, что за человек этот директор и как с ним лучше разговаривать.

Когда Андрей объяснил, что приехал писать книжку про войну, Владимир Ильич натянуто заулыбался, его выцветшие глаза стали ещё тревожнее.

«Что ж, мы вам очень рады, – сказал он после некоторой паузы. – Последнее время никто нас, понимаешь ли, вниманием не балует. Ну, конечно, по военным праздникам привозят к нам и школьников, и солдат. Тут целые толпы посетителей. Но сейчас, как видите, никого нет. Да оно и понятно – лето на дворе».

«Спасибо, Владимир Ильич. Сразу хотел вас спросить: а вы сами давно ли начальствуете здесь?» – с наигранной непринуждённостью спросил Гедройц.

«Ну, как вам сказать... Директор я всего пару лет. Но намёк ваш, Андрей, я понял. Вы ведь сомневаетесь, хорошо ли знаю музей, чтобы помочь вам. Думаете, я здесь человек случайный? – он внимательно посмотрел на Гедройца. – Так вот, сразу вам скажу: я и родился в Царицыне, и воевал в Сталинграде, и похоронят меня здесь же. Я про битву всё знаю, я её, понимаешь ли, изнутри видел. Можете не сомневаться», – отчеканил директор.

«Мне просто хотелось узнать, чем вы раньше занимались в жизни. Я как раз подумал, что в прошлом вы – боевой офицер», – извиняющимся тоном отвечал Гедройц, радуясь в душе тому, что такая удача, что непонятный на первый взгляд директор оказался всерьёз заинтересованным человеком.

А тот сразу перешёл к делу:

«Должно быть Вас, Андрей, солдатские письма интересуют. Для вашей книги это, я так понимаю, очень даже полезное подспорье. Письма, дневники – русские, немецкие. Такие трагедии жизненные, понимаешь ли... У нас тут коллекция немалая. Можем копии для вас сделать. Или вот со старцем Иосифом побеседуйте, он воевал здесь, а теперь монашествует, у самой Волги. С радостью для вас встречу организуем», – Гедройц подумал, почему это директор постоянно говорит о себе во множественном числе?

«Честно говоря, мне нужно будет поговорить с вами о некоторых загадочных вещах, связанных с битвой. Я вник в кое-какие детали, и у меня появились удивительные предположения и догадки», – Гедройц сказал это тихим голосом, хотя рядом никого не было.

Старик выглядел не слишком заинтригованным, однако Гедройц отчетливо увидел, что какое-то усталое волнение появилось в нём.

Спрашивается, почему? – Гедройц не начальство ему, не ревизия, повода для волнения не было.

Они прошли в кабинет директора музея, где Гедройц стал делиться с ним собранной таинственной информацией.

Однако по мере того, как сыпалось все больше фактов и гипотез, директор все более мрачнел и все более тяжело вздыхал.

Когда Гедройц закончил свой яркий, как ему казалось, рассказ, Владимир Ильич начал отвечать – медленно и без восторга:

«Всё это очень интересно, Андрей. Но скажу вам честно, вы не первый, кто приехал сюда со всякими чудесами да арийскими сокровищами в Мамаевом кургане. Дело, понимаешь ли, в том, что всякий раз, когда кто-то начинает копать в этой теме, с ним начинают случаться разные несчастья. Вы уж простите меня, по-простому вам скажу: ехали бы вы, в самом деле, обратно в Москву. Мы вам нашими материалами поможем, не сомневайтесь. Пишите спокойно свою книгу, только сами в эти дела не лезьте».

Гедройц был обескуражен таким ответом:

«Владимир Ильич, да неужели вы не видите, что все наше представление о Сталинграде может перевернуться! Надо ведь выяснить всю правду, в конце концов. И ничего со мной не случится».

Владимир Ильич грустно посмотрел на Гедройца:

«Андрей, дорогой вы мой! Я же не придумываю ничего. Всего неделю назад пропал в Волгограде один, понимаешь ли, известный историк из Германии. А до этого он два месяца работал с нашими фондами и всё радовался каким-то находкам. Можете спросить у наших сотрудников, если хотите – они с ним больше моего общались. Ей-богу, совсем не хочу вас пугать, просто говорю, что опасно это».

Гедройца это несколько не встревожило:

«Я же не за коммерцией приехал сюда, не за политикой, а за научным исследованием. Так что ничего опасного здесь не вижу. А то, о чём вы говорите, не более чем ряд случайностей. Да и найдется еще ваш немец».

«Как вы всё-таки наивны! – не глядя в глаза Гедройцу, пробормотал директор. – Ну да я предупредил. Сами будете виноваты, если докопаетесь до чего-то такого, что будет страшным и губительным для вас».

Глава пятая

*Начнётся замешательство, ибо правитель встанет перед выбором.
Но сохранит праведность – и не оступится.
Успех не сможет затмить чистоты зрения всего народа.
Счастлив всякий, делающий дело всеобщее.
В это благоденствие народ принесёт жертву, и искупит прошлую вину.*

«Свитки»

Покинув музей, Гедройц бродил по городу: на Мамаевом кургане он решил побывать в последнюю очередь, а пока просто осматривал город, набирался впечатлений.

Оказалось, что в Волгограде есть метро, но выглядит оно, как трамвай, да и ездит не только под землёй, но и по улицам.

В трамвае Гедройц разговорился с привлекательной молодой волжанкой – его вообще удивляла особенная, здоровая красота волжских женщин, их стать и душевная бодрость.

Загорелая, лет двадцати девушка по имени Вера приехала из небольшого городка неподалёку, чтобы повидаться со своим братом, отбывающим срок в волгоградской тюрьме.

Она рассказала Гедройцу свою печальную историю:

«Брат мой Илья сидит уже два года, засудили его. Девушка у него была, Лариса. Они поссорились, сильно он её чем-то обидел – спьяну, конечно. Она возьми и заяви на него в милицию. Он, говорит, меня изнасиловал. Всё подстроила. Сделали анализ – да, что-то такое подтверждается. А она ещё с соседкой договорилась, что та вроде как крики слышала, что, мол, насилюют. Судья его откупить предлагал. Да откуда у нас такие деньги? А Лариску ту на другой год и взаправду изнасиловали и убили. Илюшка, как узнал про это, надумал побег устроить, чтобы найти гадов и отомстить за неё. Его, конечно, поймали, срок накинули. Он потом хотел с собой покончить – не дали. Писем от него давно не было, вот еду проверить как он там... Вообще, несчастная какая-то у нас семья. В роду матери все, кого знаю, спились... Всё против нас оборачивается из-за пьянства этого».

Гедройца тронула её история, но ещё больше удивило то доверие, с которым девушка рассказывала о своей несчастной семье в трамвае незнакомому человеку.

Он спросил Веру, что она думает про Мамаев курган, а она ответила неожиданно:

«Не знаю, не до этого мне. Столько своих проблем. Была я на кургане, конечно. Вот и старец Иосиф велел сходить. Тяжело там всё... Знаешь, я тебе одну вещь скажу, брат как-то заметил: если там нарвать цветов, то они очень долго не вянут, даже и без воды. Сама не знаю почему. Но это точно. Он когда за Лариской ухаживал, всё время там цветы рвал».

Вскоре она вышла из трамвая, а он подумал, что не помешало бы встретиться с этим старцем Иосифом, чьё имя уже не первый раз всплывает в разговорах о кургане.

Возвратившись в гостиницу, Гедройц решил ещё раз взглянуть на свои материалы.

Он достал портфель, в котором хранил книги, вырезки из газет, фотографии и предварительные наброски книги, набрал шифр на кодовом замке портфеля и попытался его открыть – но ему это не удалось.

Он ещё раз убедился, что шифр секретного замка набран верно, однако замок по-прежнему не срабатывал.

Гедройц не мог понять, что случилось, ещё несколько часов назад всё было в порядке, портфель прекрасно открывался.

«Неужели кто-то трогал его, пока меня не было?» – он взял портфель и поспешил в администрацию гостиницы.

Там выяснилось, что горничная последний раз убиралась в комнате утром, то есть со времени ухода Гедройца из гостиницы никто в его номер не входил.

Вызвали мастера, он вскрыл замок, осмотрел его и высказал Гедройцу своё мнение: замок на портфеле был взломан большим мастером, нет никаких следов.

Однако, судя по всему, в замочке был такой механизм, что если при закрытии случайно сместить колёсико кода, то старый шифр сменяется на новый – потому-то Гедройц, набрав старый номер, и не смог открыть его.

Андрей сразу проверил, всё ли на месте: к его радости, материалы были целы, хотя и несколько неряшливо уложены – было очевидно, что кто-то копался в его портфеле.

Администратор стал уверять, что постарается во всём разобраться, что не надо обращаться в милицию, тем более что ничего не пропало.

Гедройц же его даже и не слушал, он сразу пошёл к себе в номер проверять, не пропали ли другие вещи.

Там он увидел, что кто-то действительно исследовал содержимое его багажа и одежды, однако ничего не было украдено, и если бы не история с замком, Гедройц, вероятно, мог вообще ничего не заметить.

Он стал размышлять об этом происшествии: если его хотели просто обворовать, то почему не взяли портфель с собой, почему вообще ничего не взяли?

Конечно, слишком дорогих вещей в номере не было, хотя кое-какая одежда, неплохой фотоаппарат, да и тот же кожаный портфель, совсем новый, могли бы послужить злоумышленникам неплохой добычей.

Должно быть, воров интересовали только деньги, которых они не нашли, так как бумажник он всегда носил с собой.

Разобравшись с портфелем, Гедройц решил поужинать в расположенном неподалёку ресторане.

Он вышел из холла гостиницы и стал обходить здание по периметру, по самому короткому пути.

Однако чудный безветренный вечер преподнёс неожиданный сюрприз, заморосил мелкий дождик.

Гедройц подумал, что до соседнего дома он и так добежит, но потом ему в голову пришла мысль, что дождь может усилиться и что лучше на всякий случай захватить с собой зонт.

Он развернулся и пошёл обратно – и спустя несколько секунд за его спиной раздался оглушающий звон разбивающегося вдребезги стекла.

Гедройц вздрогнул, зажмурился, непроизвольно втянул голову в плечи, а когда шум успокоился, обернулся.

Примерно в том месте, где он остановился и пошёл назад, асфальт был усыпан осколками огромного зеркала.

Некоторые из крошечных стеклянных кинжалов валялись у самых ног Гедройца, его не задело просто чудом.

Если бы он не повернул в гостиницу, то удар пришёлся либо точно по голове, либо совсем рядом – и тогда острейшие осколки вонзились в него.

Андрей отстраненно смотрел на бесконечные отражения своего серого лица в мириадах зеркальных кусочков, а вокруг уже суетились люди, сбежавшиеся на шум и звон.

Глава шестая

Нельзя будет оставаться дома, но в мир идти, неся дары.

Препятствия возникнут на пути, но будут преодолены легко, ведь к ним готовятся, о них давно известно.

Опасности же более кажутся, чем существуют.

За пределами своей земли правитель и его подданные будут успешны, своей силой и любовью обнимут многие народы.

«Свитки»

Оправившись от первого шока, Гедройц испытал радость и облегчение, понимая, что только что избежал чудовищного несчастного случая – и вдруг ему вспомнилось предупреждение директора музея о какой-то опасности.

Он сопоставил его и с обыском его вещей в номере, и с этим происшествием – пожалуй, всё это могло быть и неслучайно.

Странные совпадения: сначала кто-то копается в его вещах, а потом ему на голову летит тяжелое зеркало.

Хотя к такому нападению надо готовиться, надо всё точно рассчитать – нет, конечно, всё это маловероятно.

И тем не менее, теперь у Гедройца появилось ощущение, что разговоры об опасности не были пустыми.

Но если его хотели убить, то зачем? – никакого мотива нет; покушавшийся мог быть, конечно, и просто сумасшедшим, вообразившим, что должен за что-то наказать Гедройца или что тот ему чем-то опасен.

Хотя так мог подумать не только сумасшедший: не исключено, что Гедройц случайно, незаметно для себя, сделал или сказал что-то, что показалось кому-то опасным.

Но кто же, кто может быть против него сейчас? – и ведь возможно, его начали преследовать ещё в Москве, просто он этого не замечал.

Надо внимательнее вспомнить всех, с кем он более или менее близко общался в последние дни.

Нет, не получается, все его собеседники – случайные, несчастные, добродушные люди, ничем он их не злил, только выслушивал и утешал.

И пожалуй, только с директором музея, с Владимиром Ильичом, он говорил о чём-то серьёзном – предупреждал же его старик, говорил, что нужно быть осторожнее, про исчезнувшего историка из Германии всё толковал, а он тогда не обратил внимания.

Андрей позвонил директору музея и рассказал о случившемся с ним, от волнения приукрашивая события и всё больше пугаясь собственного рассказа.

Тот внимательно слушал его, время от времени осуждающе цокал, а потом стал монотонно повторять все те же слова – об опасности, о пропавшем немце, о том, что лучше бы скорее уехать – и Гедройц был не слишком утешен разговором с Владимиром Ильичем.

После событий сегодняшнего дня он пребывал в состоянии немалого возбуждения и всерьёз опасался бессонницы, поэтому достал из холодильника две бутылки местного пива с ярко-красной этикеткой и быстро их выпил.

Вскоре он погрузился в нетвёрдый сон, ему снилось, что он усердно работает, оклеивает золотой бумагой безымянную статую в городском саду.

Блестящие квадраты плохо ложатся на неровную поверхность мрамора, рвутся и осыпаются, а мрамор крошится.

Когда он закончил с бумагой, то подвёл провода семи прожекторов, сдвинул фонари, нацелил на фигуру, собрал прохожих к тёмному силуэту и вдруг врубил весь свет сразу – и отражением тысячи солнц сверкнул золотой бог Яхва, и ослепил его, и сошёл на землю.

Гедройц проснулся в ярких утренних лучах, пробившихся сквозь неплотно занавешенное окно.

Глава седьмая

*Скоро правитель возжелает подчинить себе все земли, и тогда начнётся насилие.
Разумный человек возглавит войско, и потому начало принесёт успех.
Но будет замерзать завет, мертветь благодатное живое слово, и придёт черед
поражений.*

«Свитки»

«...Я полюбил тебя зимой: шуба падает на ковёр, а там, под шубой – шёлк.
Так падает чайка в волны, так падают ливни в травы, так твои волосы закрывают мне
лицо, день превращая в ночь.
Так твой полушёпот заглушает шум улиц.
Где многолюдье? – в моих ушах лишь шелест твоего дыхания.
О, эта беспощадная ясность взгляда и непорочность мысли!
Речь умолкает, и пожар в сердце.
Мария, как узнать себя в тебе?
Ужас потерять, и счастье увидеть радость в твоих глазах!
Две жизни – до тебя – и теперь.
И календарь лениво переворачивает листы прикосновениями твоих ладоней.
Разве осталось небо? Разве есть ещё солнце и планеты?
Всё ушло, потеряло смысл, растворилось.
Бог, обращённый в плоть, ты что-то говорил о любви?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.